

Воробьева-Десятовская М.И. Великие открытия русских ученых в Центральной Азии. — СПб.: Издательство А. Голода, 2011. — 248 с.

Изучение Центральной Азии по историческим меркам началось сравнительно недавно. Обширный регион, охватывавший Восточный Туркестан, Западную Монголию (Джунгарию), Тибет и Северо-Запад Китая, в 1840-х гг. все еще оставался terra incognita для европейской науки. Источниками географических представлений о нем служили старинные китайские атласы. Отсутствовали достоверные данные о путях сообщения, климате, водных ресурсах, флоре и фауне, народонаселении. Сведения об истории и культуре Центральной Азии были скудны и фрагментарны.

Экспедиционные исследования, инициированные в 1850-х гг. Русским Географическим обществом, положили начало той неустанной работе отечественных и зарубежных ученых, которая привела к сенсационным открытиям, обогатившим многие отрасли естественно-научного и социогуманитарного знания. Памяти мира были возвращены забытые цивилизации и очаги высокоразвитой культуры, погребенные в песках центральноазиатских пустынь, языки и великое письменное наследие народов, населявших оазисы Восточного Туркестана в I тыс. н.э., шедевры изобразительного искусства и памятники зодчества.

Книга М.И. Воробьевой-Десятовской воссоздает этапы того грандиозного исследовательского штурма Центральноазиатского региона, который был предпринят российскими учеными во второй половине XIX — первой четверти XX в. Написанная одним из лучших знатоков истории и культуры Центральной Азии, международно признанным источни-

коведом-палеографом, она удачно сочетает строгую научную документированность и высокое качество увлекательной востоковедной эссеистики.

Книга состоит из шести глав, приложения и блока иллюстраций. В первой главе — «Русские ученые на тропах Центральной Азии» представлена полномасштабная картина истории изучения региона в указанный период. Автор лаконично, но удивительно емко по содержанию характеризует исторические и геополитические факторы, способствовавшие развертыванию российских экспедиционных исследований Центральноазиатского региона, цели, задачи и приоритетные итоги работы отечественных путешественников — географов, ботаников, зоологов, собирателей рукописей и археологов. Значительное внимание уделено экспедициям, существенно пополнившим коллекции рукописей и старопечатных изданий Азиатского музея (ныне — ИВР РАН) и Государственного Эрмитажа, в частности путешествиям М.М. Березовского, А.Д. Клеменца, П.К. Козлова (первооткрывателя Хара-Хото), С.Ф. Ольденбурга. Отчетливо прочерчена роль российского консула в Кашгаре, ученого и дипломата Н.Ф. Петровского в обнаружении реликтов буддийской цивилизации I тыс. н.э.

Не лакируя историческую действительность, на фоне которой разворачивалась подвижническая деятельность отечественных исследователей Центральной Азии, М.И. Воробьева-Десятовская показывает, какими нелегкими путями обеспечивалось финансирование экспедиций и какая жесткая конкуренция со стороны зарубежных ученых сопровождала изыскательскую работу С.Ф. Ольденбурга, выдающегося востоковеда-археолога и палеографа. Состязанию в добыче и вывозе в Европу культурных ценностей азиатских народов российский академик противопоставил новый — культуросберегающий метод рабо-

ты с археологическими артефактами, принципиально исключавший варварское разграбление очагов ископаемой культуры.

Великолепно представлен в этой главе организационный аспект изучения Центральноазиатского региона — деятельность Русского Географического общества, Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии, роль С.Ф. Ольденбурга и В.В. Радлова как организаторов и координаторов международных исследований в области археологии Центральной Азии и дешифровки рукописей на неизвестных науке языках.

Вторая глава — «Этнокультурная история Центральной Азии», разбитая на 13 небольших подразделов, представляет собой великолепный по степени репрезентативности очерк, охватывающий историю, культуру, государственное строительство народов, населявших регион в различные эпохи начиная с глубокой древности. В центре внимания автора территория, конвенционально именованная в науке и политической географии второй половиной XIX — первой четверти XX в. Восточным Туркестаном (совр. Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР), земля, по которой некогда пролегал Великий шелковый путь. М.И. Воробьева-Десятовская, характеризуя оазисы Восточного Туркестана как перекрестки межэтнических коммуникаций, аргументированно подчеркивает, что именно буддизм обеспечивал в I тыс. н.э. культурное единство этих цивилизационных очагов.

С неотрывным интересом читается третья глава — «Восточный Туркестан в Большой геополитической игре», где изложены ключевые сюжеты соперничества двух империй, России и Великобритании, за присутствие и преимущественное влияние в регионе и проникновение в Тибет. В этом процессе, как показывает автор, российские военно-политические и научные инициативы взаимно дополняли друг друга.

Четвертая, пятая и шестая главы книги посвящены экспедициям Н.М. Пржевальского и его учеников — В.И. Роборовского и П.К. Козлова. Автору удалось не только раскрыть вклад этих великих русских путешественников в комплексное изучение Центральной Азии, но и воссоздать те духовно-смысловые доминанты их личностей, которые обуславливали победу на избранном пути.

Чрезвычайно интересны материалы, представленные в приложении. Читатель получает возможность ознакомиться с отрывками из публикаций, существующих ныне в статусе библиографических раритетов, образцами научной и политической аналитики 1890-х гг., в частности со статьей военного корреспондента Н. Бронского «Англия, Россия и Китай в Восточном Туркестане». Впервые публикуются материалы из Архива востоковедов ИВР РАН — письмо Н.Ф. Петровского барону В.Р. Розену (от 6 января 1892 г.) о дислокации археологических артефактов на территории Восточного Туркестана и подготовленная им же записка «К вопросу о соперничестве русских и английских мануфактурных товаров на рынках Средней Азии». Приложение дополняется раритетными фотоматериалами.

Необходимо отметить, что издание книги М.И. Воробьевой-Десятовской осуществлено малым тиражом в качестве пилотного проекта. Между тем, данная монография, излагающая серьезную историко-культурную и геополитическую проблематику в форме, доступной широкому кругу читателей, несомненно была бы востребована не только специалистами в области изучения Центральной Азии, но и работниками средств массовой информации, политологами-практиками, студентами, аспирантами и преподавателями гуманитарных вузов. Думается, безотлагательное переиздание этой высокоинформативной книги крупным тиражом превратит труд М.И. Воробьевой-Десятовской в научный бестселлер.

А.Е. Лукьянов

Четвертые востоковедные чтения памяти О.О. Розенберга. Доклады, статьи, публикации документов / Составители: М.И. Воробьева-Десятовская, Е.П. Островская. — СПб.: Издательство А. Голода, 2011. — 319 с.

Имя Оттона Оттоновича Розенберга (1888–1919), первого из блистательной плеяды учеников акад. Ф.И. Щербатского (1886–1942), прочно связано в истории востоковедения XX в. с периодом выдающихся достижений и международного признания отечественной буддологической школы. За пределами России О.О. Розенберг получил известность как

автор фундаментального новаторского труда — двухтомника «Введение в изучение буддизма по китайским и японским источникам»¹. Его вклад в теорию и методологию исследования буддийских письменных памятников стимулировал развитие отечественной буддологии вплоть до второй половины 1930-х гг., когда линия научной преемственности прервалась.

В последующие полвека опубликованное и неопубликованное наследие этого выдающегося ученого оставалось в российской науке не востребуемым. Однако в 1990-х гг. идеи О.О. Розенберга, не утратившие своей эвристической ценности, обрели второе дыхание не только в трудах востоковедов-буддологов, но и в целом ряде историко-филологических, культурологических и религиоведческих исследований.

Ежегодная конференция, учрежденная в 2007 г. в память об О.О. Розенберге, свидетельствует о планомерном возрождении традиций классического востоковедения в ИВР РАН. Отрадно, что в 2010 г. это научное мероприятие получило финансовую поддержку со стороны Президиума РАН, поскольку наличие средств позволило оперативно издать материалы конференции в виде солидного тома (объемом 20 п.л.), снабженного иллюстрациями.

Сборник «Четвертые востоковедные чтения памяти О.О. Розенберга» оставляет впечатление глубоко продуманного и тщательно подготовленного издания. На титульном листе книги размещен единственный ныне известный портрет ученого, обнаруженный в 2009 г. сотрудницей ИВР РАН С.И. Марахоновой в процессе архивных изысканий. Вступительная статья составителей сборника освещает этапы изучения научного наследия и заполнения пробелов в сведениях о его жизненном пути. Отмечается, в частности, что до 2000 г. не было доподлинно известно, где и когда он окончил свои дни, находясь в эмиграции, что порождало различные бесосновательные домыслы, препятствовавшие в советский период пропаганде научных дос-

тижений О.О. Розенберга. В настоящее время благодаря усилиям эстонских коллег установлено, что он умер в ноябре 1919 г. от сердечной недостаточности в Таллине и был там же захоронен. Авторы статьи очерчивают вклад отечественных и зарубежных исследователей — Дж. Барлоу, А.А. Вигасина, Т.В. Ермаковой, М. Лаэнетса, В.Г. Лысенко в издание неопубликованных работ и переписки О.О. Розенберга.

Во вступительной статье изложены также цели и задачи ежегодных чтений, призванных расширить научный дискурс об истории Санкт-Петербургской буддологической школы и продвинуть ее проблематику в такие отрасли социогуманитарного знания, как история философии, религиоведение, культурология, социология религии. Подчеркивается, что в организации чтений ИВР РАН сотрудничает с вузами Санкт-Петербурга, которые ведут подготовку молодых востоковедных кадров.

Доклады и статьи распределены по разделам, характеризующим основные направления научной дискуссии Чтений-2010: «О.О. Розенберг и Санкт-Петербургская буддологическая школа», «История философии и сравнительная культурология», «Религиоведение, социология религии и геополитика».

В разделе «Публикации» представлены вновь вводимые в научный оборот архивные материалы: «Документы по деятельности акад. Ф.И. Щербатского 1920-х — начала 1930-х гг.» (публикатор — Т.В. Ермакова) и «Петроградский дневник япониста С.Г. Елисеева» (публикатор — С.И. Марахонова), снабженные вводными статьями и комментариями. Публикация фрагментов бытовых записей, которые делались С.Г. Елисеевым в период с 1 по 27 января и с 18 по 21 марта 1919 г., позволяет мысленно проникнуть в ту исключительно драматичную социокультурную ситуацию, в которой оказалась научная интеллигенция Северной столицы в разгар гражданской войны, и лучше понять мотивы тех, кто предпочел эмиграцию мукам голода и необустроенности жизни.

Документы по деятельности Ф.И. Щербатского характеризуют стремление российского академика продолжать в новых социально-экономических и политико-идеологических условиях работу, начатую в 1900-х гг.

В состав публикуемых материалов включены документы, раскрывающие направле-

¹ Первый том этого издания, содержащий «Свод лексикографического материала», был опубликован в 1916 г. в Токио. Второй, представляющий монографическое исследование «Проблемы буддийской философии», вышел в свет сначала на русском языке в Петрограде в 1918 г., а затем в переводе на немецкий язык в Гейдельберге в 1924 г.

ния источниковедческих и экспедиционных исследований, проводившихся Ф.И. Щербатским и его учениками как сотрудниками специализированного академического учреждения — Института буддийской культуры АН СССР, который функционировал в Ленинграде с 1928 по 1930 г. Во вводной статье Т.В. Ермакова аналитически воссоздала историко-научный контекст организаторской деятельности Ф.И. Щербатского, направленной на сохранение и развитие проблематики классического востоковедения в советский период.

В завершающем разделе сборника — «Из чтений прошлых лет» размещены пять не опубликованных ранее работ. Прежде всего хочется отметить представленные в этом разделе статьи основателя чтений В.И. Рудого (1940–2009) «Вклад классиков Санкт-Петербургской буддологической школы в теорию источниковедения: подходы, методы, методики» (Чтения-2007) и «Развитие методологии Санкт-Петербургской буддологической школы в 1980-х–2000-х гг.» (Чтения-2008). Крупный современный исследователь буддийского философского наследия Индии В.И. Рудой возродил линию научной преемственности в отечественной буддологии и возобновил работу над главным источниковедческим проектом школы, созданной Ф.И. Щербатским и С.Ф. Ольденбургем, — изучением мегатрактата «Энциклопедия буддийской канонической философии» («Абхидхармакоша»). В указанных докладах прослеживаются стадии формирования теоретических принципов и проблематики школы и демонстрируются направления их развития в настоящее время — выявление категориальной структуры буддийской культуры, разработка метода структурной герменевтики, применяемого в анализе философских источников, трансрегиональный подход к интерпретации процесса становления буддийской традиции в странах Азиатско-Тихоокеанского региона.

Значительный интерес вызывает статья В.Г. Лысенко «О.О. Розенберг как ученик Ф.И. Щербатского» (Чтения-2007), в которой проводится глубокий сравнительный анализ позиций учителя и ученика по вопросам перевода буддийских философских источников на европейские языки, методологии и принципов их интерпретации. В статье содержатся

также сведения о жизненном пути и научной деятельности Ф.И. Щербатского и О.О. Розенберга.

Весьма информативна статья Т.В. Ермаковой «Институт буддийской культуры АН СССР» (Чтения-2009). В ней раскрывается роль С.Ф. Ольденбурга в создании этого учреждения и характеризуются структура, направления его деятельности. Следует подчеркнуть, что об Институте буддийской культуры АН СССР до сих пор было мало известно в истории отечественного востоковедения.

Статья М.И. Воробьевой-Десятковской «Буддийские рукописные раритеты из Центральной Азии» (Чтения-2009) привлекает внимание палеографическим описанием и атрибутированием манускриптов, добытых русскими исследователями в оазисах Восточного Туркестана в 1900–1910 гг.

Большинство докладов и статей участников Чтений-2010 посвящены не изучавшимся ранее проблемам. В.Ю. Климов в статье «Правила, регламентирующие поведение японских адептов буддийской школы „Истинной веры чистой земли“ во второй половине XV в.» показал, что дисциплинарные правила данной школы коррелировали с нормативными уставами сельских общин, свободных городов и регламентами, установленными местной земельной аристократией. С.Л. Бурмистров в докладе «Понятие мистицизма в историографии индийской философии» проследил особенности развития аналитического языка описания в интерпретациях практического компонента религиозно-философских систем Индии.

Особого внимания заслуживает статья Е.Ю. Харьковской «О трех „Великих редакциях“ переводов буддийских текстов на тибетский язык», в которой проанализирована рецепция буддизма в Тибете. В текст статьи включен выполненный автором перевод на русский язык уникального средневекового государственного документа, содержащего одобрение верховной властью принципа передачи буддийской терминологии лингвистическими средствами тибетского языка.

В кратком сообщении С.Х. Шомахмадова «Некоторые наблюдения над текстом неатрибутированной аваданы из коллекции Н.Ф. Петровского» высказываются весьма интересные историко-культурные предполо-

жения о жанровой квалификации одной из буддийских санскритских рукописей, добытых в Центральной Азии, — так называемой «Аваданы о гонге», хранящейся в фондах ИВР РАН.

Доклад М.И. Воробьевой-Десятковской «Космос и развитие буддийской философии» посвящен сравнительному анализу космологической проблематики в буддийской мыслительной традиции раннесредневековой Индии и Японии.

Т.В. Ермакова в докладе «Концептуальные идеи в трудах А.И. Вострикова, Е.Е. Обермиллера, М.И. Тубянского» глубоко проанализировала развитие теоретической мысли и научной проблематики Санкт-Петербургской буддологической школы в 1920-х — первой половине 1930-х гг. выдающимися учениками акад. Ф.И. Щербатского.

Путь О.О. Розенберга к созданию монографического исследования «Проблемы буддийской философии» панорамно представлен в статье Е.П. Островской «Пролегомены к „Абхидхармакоше“: теоретический вклад О.О. Розенберга».

Из докладов и статей культурологов хочется отметить актуальную по своей проблематике статью И.К. Москвиной «Государственный контроль перемещения культурных ценностей в странах ЕС и России: опыт культурологической компаративистики». Автором впервые в отечественной науке проводится сравнительная культурологическая интерпретация тех юридических понятий, посредством которых характеризуются предметы искусства, архивные материалы и документы, перемещаемые из страны в страну с целью выставочной деятельности или купли-продажи.

Среди докладов по вопросам социологии религии выделяются два — Б.Л. Четырковой «Роль буддизма в конструировании этничности калмыков и монголов» и Е.А. Островской «Транснациональный подход к анализу этно-религиозных конфликтов (Центральноазиатский узел)». В докладе Б.Л. Четырковой на богатом эмпирическом материале анализируются функции буддизма как символического ресурса этнической самоидентификации двух центральноазиатских народов, исторически исповадовавших эту мировую религию. В докладе Е.А. Островской выдвигается новая социологическая концепция

анализа геополитического соперничества мировых и региональных супердержав в зонах локальных этнических и этнорелигиозных конфликтов. Автор рассматривает конфликтные ситуации в Тибетском и Синьцзян-Уйгурском автономных районах КНР в контексте активности транснациональных коммуникативных сетей.

Резюмируя сказанное, хочется еще раз подчеркнуть высокий теоретический уровень трудов, опубликованных в сборнике «Четвертые востоковедные чтения памяти О.О. Розенберга», и пожелать организаторам конференции столь же плодотворно провести пятые чтения.

А.Е. Лукьянов

Кульганек И.В. Монгольский поэтический фольклор: проблемы изучения, коллекции, поэтика. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010. — 240 с. (серия “*Orientalia*”).

Монография И.В. Кульганек представляет собой одно из немногих исследований в мировом монголоведении, посвященное комплексному литературоведческому анализу малых жанров монгольского поэтического фольклора. На настоящее время в современной монголоведной науке не существует специального монографического исследования, в котором были бы столь подробно охарактеризованы все жанровые разновидности монгольской народной поэзии, зафиксированные за период с XIII по XX в. Рассмотрение художественного поэтического творчества монгольского народа дано в контексте его традиционной культуры и мировоззренческих представлений.

И.В. Кульганек поднимает важные для современного литературоведения и фольклористики вопросы, одним из которых является научное осмысление источниковедческой базы, выявление, систематизация и исследование фактического материала, хранящегося в архивных и рукописных фондах. Полнота и всесторонний охват богатейшего собрания монгольского поэтического фольклора, как однородных (по своему типу и времени возникновения), так и гетерогенных (по составу жанров), позволяет проследить эволюцию «единства в многообразии», картину взаимо-

действия «текста» с литературными и фольклорными традициями. Рассмотрение этого многообразия как единой системы является важным не только для отечественного литературоведения, но и для мирового монголоведения в целом.

Автор выявил в различных фондах и коллекциях (в составе которых имелись тетради, дневники, отчеты, экспедиционные записи, наброски, рукописные и ксилографические сборники разнородных сочинений, книги и многое другое) огромный пласт «текстов» и определил их жанровую принадлежность.

Продуктивным в работе является исследование композиционно-структурной организации и историко-культурных предпосылок появления ряда произведений малых жанров. Автор использовал различные методы анализа (сравнительно-исторический, структурно-типологический, статистический) и обращался к опыту мирового литературоведения, в частности к разработкам западных ученых, рассматривающих литературоведческие понятия, термины и определения на междисциплинарном уровне, например на уровне синтеза литературоведческого анализа с лингвистикой, семиотикой, психоанализом.

Монография И.В. Кульганек композиционно выдержана и логически последовательна. Она включает Введение, три главы, Заключение, список использованной литературы, несколько приложений, в одном из которых помещены тексты образцов монгольской народной лирики. Одно из приложений включает глоссарий монгольских слов и терминов, за ним следует список исполнителей монгольского поэтического фольклора и перечень рукописей и ксилографов Рукописного фонда и материалов архива Института восточных рукописей РАН, содержащих фольклорные образцы и документы, характеризующие данный фольклорный материал. В приложении приведены тексты 5 благопожеланий, 2 песен, 40 так называемых «слов по случаю», три текста восхвалений. В Указателе имен дано более 600 фамилий людей, связанных с изучением и собиранием фольклора. Список исполнителей состоит из более 80 монгольских имен и более 30 — бурятских. Список рукописей, содержащих монгольский поэтический фольклор, включает рукописи из личных архивов Д.А. Клеменца, А.М. Позднеева, К.Ф. Голстунского,

Ц.Ж. Жамцарано, В.Д. Якимова, Б. Барадийна, Б.И. Панкратова, а также из тематических коллекций: «Монголия и Тибет», «Буряты и калмыки», «Материалы отдельных лиц». Список использованной литературы включает около 300 названий.

В первой главе — «Развитие теоретических взглядов на монгольский поэтический фольклор», посвященной изучению процесса формирования научных представлений и теоретических взглядов в России, на Западе и в самой Монголии на устное народное творчество монголов, автор представил обзор более чем двухвековой истории собирания и изучения монгольской лирики. Многолетний опыт собирательской и исследовательской деятельности предшественников, суммированный и обобщенный И.В. Кульганек, помогает воссоздать полную картину истории научного осмысления монгольского поэтического творчества, начиная от первых (лаконичных, но вместе с тем чрезвычайно важных) сведений о нем до научных теорий.

Историографическая часть монографии не ограничивается традиционным обзором изучения монгольской поэзии в его хронологической последовательности и локальной сосредоточенности (Россия, Запад, Монголия). И.В. Кульганек проецирует свое видение проблемы на историю формирования научных взглядов, теорий и методологических подходов российских, зарубежных и монгольских ученых. Автор выделяет приоритеты российских монголоведов, определивших главные признаки монгольской фольклорно-литературной традиции, ее закономерности, типологические и генетические корни, внесших большой вклад в теорию литературоведения и понимание процесса формирования образной и поэтической системы монгольского фольклора.

Примечательно, что в поле зрения автора находятся труды западных исследователей, обративших внимание прежде всего на высокий уровень словесного искусства монголов и рассмотревших монгольский фольклор в его основных проявлениях (структурном, субстанциональном, прагматическом и т.д.), во взаимосвязи с мировоззренческими представлениями и религиозной практикой монголов, в контексте культур других народов.

И.В. Кульганек останавливается на достижениях монгольских ученых в области

изучения жанровой специфики, национального своеобразия фольклорных произведений монголов и касается вопроса об идеологизированности научных концепций монгольских фольклористов, пытавшихся в свое время рассмотреть «народную» поэзию вне шаманской традиции.

Во второй главе — «Коллекции монгольского фольклора» автор, оперируя объемным фактическим материалом, систематизировав его и подвергнув структурному анализу, предлагает читателю список малых жанров монгольского поэтического фольклора, которые он обнаружил в самых различных источниках: в эпических произведениях, в исторических хрониках, в буддийской канонической литературе, в культовых текстах и в других разножанровых сочинениях. Это дает возможность представить жанровую палитру письменного и устного наследия монгольских народов, хранящегося в фондах ИВР РАН. Характеризуя данный материал, автор выделяет такие аспекты, как диалектные особенности, этническая или родовая принадлежность, социальный статус информанта, форма записи, наличие комментариев к фольклорному образцу, подтверждающие аутентичность и указывающие на научную ценность исследуемых фольклорных текстов.

Выявление фольклорного материала сопровождается в монографии анализом и комментариями (например, на наш взгляд, очень ценна информация о рукописи, которая представляет собой, по словам автора, «почти готовую к изданию „Ойратскую хрестоматию“, содержащую тексты на *тод бичиг*, в том числе фольклорные»). Вызывают интерес так называемые «неожиданные находки в фондах» — так автор обозначил выявленные им сведения об имеющихся «описаниях различных хубилганов и обо» и «текстах, произносившихся при благодарственных приношениях перерожденцам».

Вместе с тем, хотелось бы заметить, что вышеназванная глава была бы еще содержательней, если бы автор более полно раскрыл механизм определения жанровой принадлежности многочисленных фольклорных образцов, представленных в фондах в виде «текстов», и развил бы свой важный тезис об «ином представлении монголов о жанровой принадлежности произведений и иных принципах жанрового деления». Это по-

желание продиктовано тем, что проблема «жанровых обозначений», «нечеткого разграничения функциональных и художественных начал» литературных родов и фольклора монголов до сих пор не получила своего полного разрешения.

Третья глава — «Поэтика монгольской народной лирики» является логическим продолжением исследования жанрового многообразия монгольского поэтического фольклора, его структурных и художественных особенностей, прежде всего металогии и мнемотехники. В ней формульность монгольского фольклора связывается с особенностями поэтического мышления монголов, с их архаичным сознанием. Такой подход приводит к заключению, что «формула концентрирует в себе целый ряд ключевых закономерностей фольклорной эстетики и поэтики» и обеспечивает каноничность монгольской традиционной поэзии. Автор рассматривает отдельные приемы и принципы поэтического творчества монголов и определяет существенные, характерологические составляющие целого явления, такие как «ярко выраженная устойчивость закономерностей, наблюдаемая при создании образов и структуры (художественной формы)», фиксированность системы художественных образов, поэтических приемов. Эти и другие наблюдения приводят к мысли о существовании в монгольской традиционной поэзии канона, т.е. определенной эстетической нормы, художественно-поэтической традиции, а также системы правил построения текста. Автор объясняет сущность того, что скрыто в формулах монгольской лирики, вскрывает эстетические ценности народа, закодированные в формулах и фразеологизмах.

Концентрация на анализе формальных признаков поэтики монгольского фольклора, погружение в ее ассоциативный мир привело автора к важным обобщениям, например таким, что «мерой и критерием изображаемой в монгольском поэтическом фольклоре действительности является традиционность», что «традиционной идее, знанию, переживанию соответствует определенная формула». Однако не совсем ясно, как эта «формула» реализуется в поэтическом тексте многожанрового монгольского фольклора, как прослеживается ее устойчивость и традиционность.

Один из разделов третьей главы монографии посвящен отражению смеховой культуры в монгольской фольклорной традиции. Анализ лексики, отображающей различные оттенки смеха, изучение терминологического корпуса, семантики смеха, его разновидностей (юмористический и сатирический) дает основание определить высокий уровень смеховой культуры, многообразие эстетических чувств, остроту ума и оригинальность суждений монгольского народа.

Третья глава включает также раздел «Иносказание в монгольском поэтическом фольклоре», посвященный одному из обязательных элементов монгольской культуры и древних анимистических воззрений. Объясняя природу иносказаний, автор обращается к анализу традиционной обрядности монголов. Наличие «иноговорения» в свадебных и похоронных обрядах, во время охоты, перекочевков, в обращении с детьми, гостями, животными связывается с продуцирующей магией слов, со стремлением человека обезопасить себя от внешнего, неизвестного и потому опасного, мира. Рассмотрев жанрообразующие функции иносказаний, И.В. Кульганек приходит к выводу, что в основе загадок лежат слова-заместители, тематический состав которых определен «культурой, поэтической традицией, каноном». Анализ лексических элементов, выступающих в роли слов-заместителей, позволил исследователю определить характер распределения последних в загадках: 38% — о животном и растительном мире, насекомых и птицах; 51% — о человеке и его деятельности; 7% — о духовном мире человека и 5% — о явлениях природы. Количественные показатели стали основой для обобщений, в частности, автор отмечает, что самая малочисленная тематическая группа (о явлениях природы) представляет собой наиболее древний пласт. Было бы желательно, если бы данный тезис был подтвержден и другими аргументами.

Монография И.В. Кульганек свидетельствует об обширных знаниях автора в изучаемой области, о его широкой научной эрудиции. Творческие подходы к научному осмыслению разнообразного и объемного фактического материала, комплексный характер исследования, новизна суждений и теоретическая обоснованность выводов свидетельствуют о серьезности проделанной научной

работы и о существенном вкладе, внесенном автором данной работы в развитие отечественного литературоведения и монголоведения.

Результаты научных поисков и находок И.В. Кульганек важны для будущих литературоведческих и фольклористических монголоведных исследований других ученых, а выявленные материалы являются богатой источниковедческой базой для изучения бытования, поэтики, структуры и художественных особенностей монгольского фольклора.

Е.Э. Хабунова

Гончог-Чжигмэд-Ванбо. Повествование о жизни Всеведущего Чжамьян-Шадбий-Дорчже «Брод, ведущий к удивительно благому делу» / Введение, перевод, комментарии Н.В. Цыремпилова. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского научного центра СО РАН, 2008. — 312 с. (Рах Buddhica).

Рассматриваемое издание подготовлено известным бурятским ученым, специалистом по тибетской истории и тибето-монгольской археологии, хранителем тибетского и монгольского фондов ИМБТ СО РАН к.и.н. Н.В. Цыремпиловым. Оно представляет собой логическое завершение многолетней работы автора по переводу и исследованию биографии одного из самых знаменитых ученых буддистов в истории Тибета — Всеведущего Чжамьян-Шепы I (Чжамьян-Шадбы в монголизированном написании), Нгаванг Цондуя (1648–1721), автора классических учебников по различным философским дисциплинам, выдающегося йогина и ритуалиста, основателя великого монастыря Лавран Ташикыл (Дашичил в монголизированном написании), который стал главным оплотом буддийской учености в районе Амдо (Восточный Тибет).

Книга состоит из двух частей: 1) введения, в котором автор характеризует личность Чжамьян-Шепы I, текст его биографии и исторический фон эпохи, в которой ему пришлось жить; 2) перевода сочинения, которое занимает 123 листа тибетского ксилографа стандартного формата и 210 листов рукописи монгольского перевода. Русский перевод выполнен с тибетского языка, но монголь-

ский текст использовался для разъяснения некоторых сложных мест.

Введение начинается с краткой характеристики «главного героя» книги, который за широту и глубину своих знаний был прозван современниками Кункьеном (Всеведущим). Не зря Ф.И. Щербатской сравнивал его с европейским современником — В. Лейбницем. Последующие подразделы введения на высоком научно-теоретическом уровне характеризуют историю изучения источника, его структуру и значение для исследований тибетской историографии. Простое перечисление заголовков показывает продуманность структуры введения: «Историография научных исследований жизни и трудов Чжамьян-Шабды I», «Тибетские агиографии», «Об авторе произведения» (Чжамьяне Шепе II, т.е. перерождении того самого человека, чью биографию он написал), «Сведения об источнике», «Рукопись монгольской версии источника», «Агиография Чжамьян-Шабды I „Брод, ведущий к удивительно благому уделу“ как источник по политической истории Тибета и других областей Внутренней Азии».

Последний подраздел особенно интересен, поскольку показывает, как средневековый текст, написанный в строгом соответствии с требованиями агиографического жанра, может быть использован современным историком для расширения и уточнения знаний о конкретном историческом периоде. Между сообщениями о сугубо религиозных аспектах жизни Нганг Цондуя (его учеба, успехи в диспутах, встречи с различными наставниками, отшельничество, проповедническая деятельность, руководство ритуалами) то и дело проскальзывают сообщения о его участии в политической жизни Тибета в ключевой период истории страны, когда ее фактический правитель, регент Сангье Гьяцо, попытался путем ловкого маневрирования между различными военными силами в лице хошутуов, джунгаров и маньчжуров отстоять свою собственную власть и вместе с тем независимость Тибета. В этой ситуации часть элиты школы гелук, включая Чжамьянг Шепу I, поставила «интересы традиции выше интересов страны» (с. 45). Желая обезопасить свою школу от возможных карательных акций со стороны маньчжурского Китая, потребовавшего выдачи Шестого Далай-ламы, Чжамьянг Шепу I настоял на этом шаге. «В выборе

между Далай-ламой как символом теократического государства и верховенством собственной традиции Чжамьян Шадба выбрал последнее. Этот шаг немедленно вызвал протесты и беспорядки на факультете, возглавлявшемся Чжамьян-Шадбой, которые в итоге были подавлены хошутами. Можно назвать эту позицию политической ортодоксией, но лишь в том смысле, что она отвечала политическим интересам гелугпы как традиции и была направлена на защиту ее верховного положения. Политика Далай-ламы V не находила поддержки у многих представителей течения желтошапочников, поскольку они могли полагать, что их традиция уже перешагнула границы тибетского государства, став явлением более глобального значения. Дальнейшее распространение традиции последователей Цзонхавы, а в их глазах и истинного учения Будды, таким образом, было напрямую связано с дальнейшей экспансией империи Цин» (там же).

Перед нами достоверная интерпретация «лакированного» пассажа из биографии:

«Однажды из Китая прибыл посланник с приглашением для кушаба Цаньян-Чжампо посетить Китай. Хан созвал на совет лам и должностных лиц [монастырей] Сэра, Брэйбун, Галдан, Верхнего и Нижнего [факультетов] Тантры.

— Будет лучше, если [Далай-лама] не поедет, — говорили все.

Владыка же сказал: „Если не отправить кушаба в Китай, то не придется ждать от императора ничего хорошего. Если же отправить [его], то это принесет пользу и делам самого кушаба, и Учению“. Тогда большинство [лам] обвинили [Владыку] в том, что [он], настоятель Романа, недолгобливает [Далай-ламу].

Драгоценный кушаб [все же] принял решение и отбыл в Китай, по дороге остановившись на постоя в цаннидском саду [монастыря] Брэйбун. Несколько брэйбунских слушников непустили [его продолжить путь], а пригласив во дворец Галдан, оставили [его там].

После один-два злонамеренных человека подняли шум и беспорядок в Брайбуне, но в конце концов все успокоилось само по себе. И снова Победоносный кушаб, согласно пожеланиям императора и Лхавсана, [продолжил] путь в Китай».

В тексте не сказано ни слова о том, что Шестой Далай-лама по дороге умер. Более того, из дальнейшего повествования неосведомленный читатель ничего бы не понял об интриге с появлением второго Шестого Далай-ламы, которому протезировали маньчжуры, и потом Седьмого Далай-ламы, которого в итоге признали все тибетцы.

Говоря о второй части книги, содержащей перевод биографии, следует иметь в виду, что это сочинение не переводилось ранее ни на один европейский язык. В тексте содержится огромное количество фактической информации: имена исторических деятелей, географические названия, названия сочинений и т.д. Автору пришлось произвести колоссальный труд по идентификации этих имен и названий, и он в целом блестяще справился с задачей, что воплотилось в многочисленных сносках, в которых приводятся комментарии к большинству встречающихся имен собственных. Некоторой недоработкой можно считать разве то обстоятельство, что иногда автор оставляет в тексте латинскую транслитерацию названий тех или иных сочинений, не делая попытки их перевода на русский язык. Кроме того, изредка в комментариях обнаруживаются небольшие неточности. Так, например, разъясняя термин «blo ttags», объединяющий два предмета внутри курса праманы — лорик и такрик, — автор пишет о них, что это «дисциплины... связанные с изучением буддийской логики и эпистемологии соответственно» (с. 89), в то время как предметом лорик является теория познания (эпистемология), а предметом такрик — теория силлогизма. Стоит отметить, что в другом месте (с. 166), комментируя термин «прамана», Н.В. Цыремпилов определяет весь этот предмет как эпистемологию, что, очевидно, не вполне корректно и входит в противоречие с первым высказыванием.

Русский перевод сочинения, учитывая его сложность и смысловую насыщенность, следует признать очень качественным с научной точки зрения. Текст при этом читается достаточно легко, исключая отдельные пассажи, объективно перегруженные специфической информацией. Читатель, без всякого сомнения, может ощутить особую атмосферу произведения средневекового тибетского автора, для которого сны, предсказания, гадания и т.д. имеют такое же значение, как и реальные

действия объекта повествования. Очень интересны яркие полемические вкрапления, особенно касающиеся представителей дацана Лосэл-линг, исторически соперничающего с дацаном Гоманг, к которому относился Чжамьянг Шепа I. Первые неизменно изображаются недостаточно образованными, слабыми диспутантами, ими движет себялюбие. Лишь один из них характеризуется с положительной стороны, поскольку он был учеником и почитателем Чжамьянг Шепы I, и все же он описан как человек не великого ума.

При всех несомненных достоинствах русского текста, к нему все же можно предъявить некоторые претензии с точки зрения литературного перевода, особенно это касается поэтических фрагментов, которые встречаются в заключении к каждой из десяти глав и иногда внутри них. Представленный Н.В. Цыремпиловым прозаический перевод этих стихов, сложенных в традиционном орнаментальном стиле, заимствованном тибетцами из индийской поэтики, безусловно, передает многие стилистические особенности оригинала, но все же далеко не всегда безупречен в художественном отношении. В качестве примера можно привести заключительные стихи главы 7, в которой я выделил подчеркиванием не вполне удачные, на мой взгляд, слова и обороты:

«В час, когда Ты, сияющий великолепием двух собраний и обладающий тысячью глаз, наблюдающих за всеми дхармами, великий друг и владыка богов, воссел на великий неустрашимый трон Учения в радостной небесной обители на вершине горы, еще в древности собранной из драгоценностей, сто счастливых богов овладело счастьем неустрашимости перед враждебными асурами. Ты, великий лев слова, хозяин снежных ущелий искусных рассуждений, наводишь трепет на всех надменных зверей. Не увидев молочный океан [Твоего] светлейшего лика с белейшей лotosовой улыбкой, нельзя взрастить свой ум великолепием нектара проповедей. Поэтому стаи мудрых белых гаруд следуют за Твоими стопами, спеша поклониться [Тебе].

С неба, затуанного тучами милосердия, слышатся удары грома благой проповеди и смех шуршащего дождя, волнующие океан Учения Могушественного. Золотое колесо благих проповедей с тысячами спиц исследования движется в центр четырех материков

верующих, овладевая всеми землями Учения Могущественного. Твои слова, Всеведущий Вращающий Колесо Учения сутр и тантр, миллионы подвластных ученых и практиков трех миров ставят во главу угла!» (с. 204).

Надо признать, что в смысле выработки принципов художественного перевода тибетской литературы мы по-прежнему стоим в начале пути. Полагаю, впрочем, что в любом случае стоит избегать в переводе оборотов, которые хотя и точны в отношении оригинального текста, однако могут вызвать улыбку у читателя, не знакомого с образной системой тибетской поэтики, как, например, следующая фраза:

«[И вот,] этот гусь, исполненный отваги бодхисаттвы, не спеша летит к океану Уя и Цзана, дабы принять угощение нектаром благой проповеди» (с. 80). Полагаю, сноска, говорящая, что «гусь в традиционной тибетской литературе является символом чистоты и святости», не сильно спасает положение.

Не могу также не пожалеть о том, что во введении автор не уделил особого внимания стилистике стихотворных фрагментов и вообще стилистике произведения. Пожалуй, это единственный методологический упрек, который я мог бы адресовать автору.

Особая ценность издания, на мой взгляд, состоит в том, что оно впервые позволяет из первых рук, а не из общих описаний, в деталях проследить за перипетиями жизни тибетского монаха, достигшего высочайшего положения исключительно за счет собственных выдающихся умственных качеств, а не за счет того, что он был признан перерождением какого-нибудь ламы. Перед нами разворачивается вся жизнь этого человека с детства и до самой смерти, мы вместе с ним проходим через ее этапы, как типичные для всех тибетских монахов, так и особые, характерные только для высших из них.

Таким образом, благодаря работе Н.В. Цыремпилова в распоряжении отечественных исследователей и просто интересующихся читателей оказался один из наиболее известных образцов тибетской биографической литературы, позволяющий глубже проникнуть в историю и культуру тибетцев. Можно сказать, что книга Н.В. Цыремпилова является достойным продолжением трудов знаменитых представителей российской буддологии, тибетологии и монголистики первой

трети XX в., прежде всего А.И. Вострикова (1904–1937), на чей классический труд по тибетской исторической литературе он неоднократно ссылается. Так восстанавливаются нити, бессмысленно оборванные много лет назад.

А.В. Зорин

И.Р. Гарри. Буддизм и политика в Тибетском районе КНР (II половина XX — начало XXI в.). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009, 320 с.

Рассматриваемая монография является важнейшей работой по современной истории Тибета. Она основана на большом количестве источников на китайском и английском языках, включая малоизвестные архивные материалы (эти источники подробно охарактеризованы во введении к книге). Ценные сведения автор, И.Р. Гарри, занимающаяся проблемами современного социально-экономического положения Китая, прежде всего его национальных окраин, получила также в ходе нескольких поездок по тибетским регионам КНР, Непалу и Индии.

В своей книге И.Р. Гарри обстоятельно анализирует основные события тибетской истории начиная с конца 1940-х гг., когда Народно-освободительная армия коммунистического Китая заняла восточные регионы территории, традиционно населенные тибетцами, и вплотную подошла к границам Центрального Тибета, контролировавшегося правительством Далай-ламы. Периодизация этих основных событий соответствует первым пяти главам книги: «Инкорпорация Тибета в состав КНР (1949–1951)», «Исполнение Тибетом и Китаем Соглашения из 17 пунктов (1951–1959)», «„Демократические“ реформы в Тибете (1959–1966)», «Культурная революция (1966–1976)», «Реформы в Тибете: стабильность и/или развитие? (1976–2001)».

В первой главе И.Р. Гарри убедительно показывает, что подписание в 1951 г. Соглашения из 17 пунктов, которое «впервые в истории однозначно определило статус Тибета как части Китая», было неизбежным. В ситуации, когда китайская армия была готова в любой момент начать наступление на Центральный Тибет, а мировые державы, на помощь которых рассчитывали тибетцы (Великобри-

тания, Индия и США), отказались признать независимый статус Тибета и оградить его от агрессии, — подписание документа, который гарантировал широкую автономию с сохранением всех институтов старой власти, но в составе КНР, являлось единственной альтернативой войне, в которой у тибетцев, упустивших вследствие внутренней борьбы за власть возможность создать боеспособную армию, заведомо было очень мало шансов на победу. Наиболее интересно описание процесса переговоров между тибетской делегацией и китайскими властями по поводу текста Соглашения. Делегации пришлось взять на себя ответственность за выработку конечного текста, поскольку согласовывать его с Лхасой было невозможно из-за крайней медлительности лхасских чиновников, не понимавших всей сложности ситуации, в которой оказался Тибет, и настаивавших на затягивании переговоров.

Вторая глава раскрывает причины, приведшие к восстанию тибетцев 1959 г. В период с 1951 по 1959 г. обе «стороны — социалистический Китай и теократический Тибет — сделали попытку существования в рамках обоюдно подписанного Соглашения» (с. 107). Китайская центральная власть и лично Мао Цзэ-дун требовали от китайских военных и чиновников, обосновавшихся в Тибете, не форсировать ситуацию, а попытаться закрепиться и расширить влияние среди местного населения. Тем временем в Восточном Тибете, районах Амдо и Кам (Кхам), на которые не распространялись положения Соглашения, коммунистические преобразования осуществлялись без оглядки на местные нормы и обычаи. Это привело к широкому народному сопротивлению со стороны тибетцев, на подавление которого была направлена армия. В Центральный Тибет хлынул поток беженцев, которые стали подогревать недовольство местных жителей, в своем большинстве воспринимавших китайцев как иностранцев, силой установивших контроль над их страной. Далай-лама, мнимая угроза жизни которого стала поводом для восстания, не видя другого пути остановить кровопролитие, покинул Лхасу и бежал в Индию. Силы восставших и НОАК были неравны. Подавив сопротивление, китайская власть фактически отказалась от соблюдения условий Соглашения из 17 пунктов и распространила жесткие методы насаждения «демократических» ре-

форм на весь Тибет. Как отмечает автор, «в рассматриваемый период 1951–1959 гг. в китайском руководстве... преобладал реалистический подход к тибетской политике, направленный на сближение с тибетской правящей элитой, через сотрудничество с которой предполагалось постепенно интегрировать Тибет в состав многонационального Китая. Но упорное неприятие существующего положения вещей с тибетской стороны вкупе с натиском приверженцев жесткой линии с китайской исключало на данном этапе возможность компромисса, что и привело к неизбежному финалу» (с. 108).

В заключении к третьей главе автор пишет: «Восемь лет реформ в Тибете (1959–1966 гг.) без преувеличения „опрокинули небо и перевернули землю“. По теории китайской историографии, „демократические реформы способствовали превращению феодально-крепостной системы собственности в индивидуальную собственность трудового народа. Период урегулирования позволил осуществить социалистические преобразования сельского хозяйства, скотоводства и ремесленного производства, перепрыгнуть через капиталистическую фазу и вступить на путь социализма“... Другими словами, Тибету потребовалось всего восемь лет на то, чтобы из феодализма, минуя капитализм, „прыгнуть“ в социализм» (с. 154). Этот прыжок дался тибетцам дорогой ценой. Репрессии против участников восстания («По некоторым данным, между мартом 1959 и сентябрем 1960 г. было убито 87 тыс. тибетцев, арестовано 25 тыс., в течение года, начиная с 1959 г., за границу бежало в общей сложности около 80 тыс. человек» (с. 125)), повсеместное закрытие монастырей, насильственное размонашивание, поругание древних тибетских святынь, кампания по дискредитации Панчен-ламы, который осмелился подвергнуть критике политику местных властей в Тибете, голод и обнищание деревни, вызванные неразумной политикой как центральной, так и местной власти, — вот неполный перечень явлений, сопровождавших «демократические реформы» в «освобожденном» Тибете.

Однако своего апогея политика подавления национальной тибетской культуры и тибетского этноса в целом достигла в годы «великой пролетарской культурной революции», которой посвящена четвертая глава исследования. Автор подробно останавлива-

ется на внутренней фракционной борьбе между местной властью в Тибете и хунвэйбинами, прибывшими из центрального Китая для борьбы с «пережитками прошлого» и насаждения подлинно прогрессивных форм культуры и общественной организации. Ситуация балансировала на грани гражданской войны, в которой, правда, большинству населения отводилась роль статистов. В эти годы были введены запреты на ношение традиционной одежды, на народные праздники, танцы, исполнение религиозных обрядов, даже на естественное использование родного языка — «появился так называемый „тибетско-китайский язык дружбы“, представлявший смешение двух языков с непонятными для большинства тибетцев грамматикой и лексикой» (с. 162). Подрыв религиозной культуры, начатый в предыдущий период, в эти годы осуществлялся с особым рвением: к 1965 г. было разрушено 80% от общего числа монастырей, а к 1976 г. в Тибетском автономном районе (образованном в 1965 г.) осталось лишь 8 монастырей и 800 монахов (см. там же). Сами монастыри и храмы варварски уничтожались, хранившиеся в них ценности были разграблены. «Разрушению подверглись даже главные монастыри Тибета: Дрепун, Сэра и Гандэн. Гандэн, первый гелупинский монастырь, основанный Цзонхавой, взрывали динамитом. Через три года после начала „культурной революции“ „весь тибетский пейзаж представлял собой руины, напоминая разбомбленные города“» (с. 163). Насильственная организация коммун, грабительские условия оплаты труда, стихийные бедствия усугубили экономическое положение простых людей, вновь вспыхнул голод, продолжившийся пять лет, с 1968 по 1973 г. Лишь смерть Мао Цзэ-дуна положила конец «десятилетию бедствий», которое сотрясло до основания весь Китай и «нанесло самый сокрушительный удар по тибетцам и их культуре» (с. 177). Вывод автора относительно долгосрочных перспектив сино-тибетских отношений неутешителен: «„Культурная революция“ воспринимается тибетцами как уничтожение тибетского образа жизни и их этнической идентичности и своими последствиями имела болезненный, трудноразрешимый конфликт на этнической и религиозной почве» (там же).

До некоторой степени ущерб, нанесенный Тибету в годы правления Мао Цзэ-дуна, был

компенсирован в период реформ, начавшийся в 1976 г. Ему посвящена пятая глава книги, в которой подробно рассматриваются вопросы экономического, социального, культурного развития Тибета. Автор критически анализирует действия официального правительства по развитию экономики и социальной структуры Тибета, возрождению его самобытной культуры, особенно религиозной ее составляющей, во многом определяющей этническое самосознание тибетцев. Наряду с несомненными достижениями (развитие инфраструктуры, социального образования и медицины, восстановление монастырей, поддержка тибетского языка, полномасштабное издание тибетской литературы и т.д.) отмечаются факторы, мешающие признать в полной мере успешными действия китайских властей в Тибете. Последние вкладывают огромные средства в регион, однако главным выгодоприобретателем от этих вложений выступает тибетское чиновничество. «В результате Тибет продолжает оставаться регионом с самым высоким уровнем бедности среди сельского населения. Фактически получается, что тибетцы оказываются вне рамок стремительно растущего государственного сектора экономики Тибета, который существует как бы сам по себе. Он не затрагивает сельское население, составляющее более 80% тибетцев, 15% образованных тибетцев заполняют административные и профессиональные ниши правительственного сектора и получают самую высокую в стране заработную плату» (с. 196). Реальный сектор экономики развивается очень слабо, «зависимость экономики от центральных субсидий и инвестиций все больше углубляется и становится негативным фактором современной ситуации в Тибете» (там же). Кроме того, «в Тибете самые слабые показатели в области образования по всей стране: 45,5% тибетцев никогда не учились в школе, то есть являются фактически неграмотными» (с. 209). Нельзя не отметить также, что возрождение религии привело к росту национализма среди тибетцев, и это, в свою очередь, заставило власти частично вернуться к политике запретов и репрессий. Как констатирует автор, концепция развития, на которую делает ставку китайская власть, входит в противоречие с концепцией этнической стабильности, которое порождает конфликты «„модернизация — традиционализм“, „социализм —

буддизм“, „единство — сепаратизм“ и т.д. Разрешение дилеммы „развитие — стабильность“... в основе которой лежит религиозный вопрос, — самая трудная задача правительства КНР, успешное разрешение которой будет означать разрешение тибетского вопроса в целом» (с. 218).

Шестая и седьмая главы книги посвящены истории диалога/противостояния между тибетским правительством в изгнании во главе с Далай-ламой и центральным правительством КНР («Сино-тибетский диалог: проблемы и перспективы») и перспективам разрешения тибетского вопроса («Тибетская автономия: реальность и будущее»).

В заключении к первой из них автор пишет: «С одной стороны, нельзя не отметить несомненный успех тибетской стороны в обретении международной поддержки на всех уровнях, включая официальный. Давление на КНР со стороны мировой общественности, безусловно, не остается без внимания в Пекине. Но оно не помогает разрешить проблему или хотя бы смягчить позицию центральных властей, а, наоборот, подрывает позиции сторонников этнически направленной политики и идет на руку приверженцам жесткой линии, политические действия которых несут потенциальную угрозу тибетской культуре» (с. 261–262).

Именно о последних идет речь в начале седьмой главы книги. Автор констатирует, что смягчению китайской позиции мешает местная власть, в которой наряду с китайцами тон задают тибетцы, выдвинувшиеся в 1960–1970-е гг. и не заинтересованные в диалоге с тибетской диаспорой и предоставлении широкой автономии Тибету, на которой настаивает Далай-лама. «Высший кадровый состав Тибетского автономного района всегда был и продолжает оставаться самым консервативным (левым) звеном руководства КПК... Примечательно, что из семи первых секретарей парткома ТАР, с 1980 г., шестерых можно причислить к приверженцам жесткой линии, за исключением У Цзинхуа, единственного неханьца, принадлежавшего к национальности и» (с. 269). Интересно, что Ху Цзинтао, нынешний председатель КНР, при котором жесткая линия в отношении Тибета вновь обрела четкие очертания, также два года возглавлял партком ТАР, пока не был призван в Пекин. Следует отметить, что

не только должность первого секретаря парткома ТАР, фактически правителя региона, но и другие ключевые посты в подавляющем большинстве занимают назначенцы из Пекина, этнические китайцы. Поэтому лукавой выглядит статистика, согласно которой в 1996 г. количество кадровых работников тибетской национальности и других нацменьшинств составило 73,88%. Реальной власти в своей стране тибетцы до сих пор не имеют. Во второй части этой главы представлены различные концепции подлинной тибетской автономии в составе КНР: одна из них предложена Далай-ламой, другие сформулированы китайскими интеллектуалами, как центристами, так и либералами. Ни одна из них не может быть реализована при нынешнем жестком курсе, который все глубже заводит ситуацию в тупик. Автор заключает свою работу словами знаменитого американского тибетолога М. Голдстейна: «Тибетский вопрос достиг опасного поворотного пункта, и дело остается за политиками, которым решать, следует ли прислушаться к голосу разума, раздающемуся все более настойчиво, или продолжать конфронтацию, последствия которой могут стать разрушительными» (с. 293).

Полагаю, краткое описание глав книги дает представление о том, насколько логична и выверена ее структура. Методология исследования также не вызывает нареканий, за исключением двух сомнительных моментов. Во-первых, в конце пятой главы автор рисует довольно идиллическую картину жизни тибетцев Восточного Тибета, которую она наблюдала лично осенью 2008 г.: «Дома жителей, административные здания, школы, больницы, монастыри — все заново отстроены или полностью отреставрированы... Все историко-культурные и религиозные объекты, посещенные экспедицией, полностью отреставрированы и находятся в прекрасном состоянии. Население свободно исполняет религиозную деятельность, монастыри и храмы проводят службы и ритуалы. Фотографии Далай-ламы можно обнаружить почти в любом доме... Тибетская культура, развитие которой особенно поощряется правительством КНР, возродилась в Кхаме. Телевидение на всех тибетских диалектах, песни, танцы, национальные костюмы, традиционные обычаи, праздники, разговорный язык — все это воочию наблюдается в Кхаме» (с. 217). Эта

картина сильно дисгармонирует с общим повествованием, которое прежде всего касается ситуации в ТАР, куда Восточный Тибет не входит, вследствие чего возникает вопрос: расцвет культуры, засвидетельствованный автором в этом регионе, является особенностью только последнего и, если это так, почему иначе дело обстоит в других областях этнографического Тибета? Вопрос повисает в воздухе и приобретает особую остроту при чтении следующей главы, в которой приводится подробная хронология событий 2008 г. вокруг Олимпийских игр в Пекине, вскрывающих большой уровень межнациональной напряженности в Тибете. Эта хронология, занимающая десять страниц, также вызывает сомнения, поскольку многие события, включенные автором в повествование, уже два года спустя выглядят утратившими актуальность.

Но главная претензия к книге лежит не в области содержания, а в области русского языка. К сожалению, в тексте нередки стилистические погрешности, неправильные согласования слов, ошибки в словоупотреблении и т.д. Особенно это свойственно многочисленным переводам цитат из документов и исследований, сделанным с китайского и английского языков и очень часто страдающим буквализмом. Приведу лишь несколько примеров:

«Но когда началось осуществление, методы раз за разом становились все более неистовыми, получились огромные перегибы, такие, как желание ускорения и поверхностное исполнение; границы стали расплывчатыми, а защита недостаточной» (с. 139).

«Китай растет как могущественное государство благодаря ее огромному экономическому прогрессу... В этом году китайский народ с гордостью и рвением ждет открытия Олимпийских игр» (с. 250).

«Это заявление воодушевляет в то время, когда возрос скептицизм в искренности Китая разрешить тибетский вопрос посредством диалога» (с. 256).

Полагаю, вину за эти несущественные для сути дела, но все же досадные погрешности должна в полной мере разделить с автором редактор Э.Ц. Цыбенова, которой, очевидно, недостает квалификации для работы с книгами, выходящими под грифом РАН.

В заключение хотелось бы еще раз отметить, что выход книги И.Р. Гарри является

важной вехой в развитии отечественной тибетологии. Ее взвешенное исследование, критическое в отношении как официальной китайской пропаганды, так и в отношении недостоверных сведений, на которые опирается тибетская сторона в своей полемике с Пекином, будет интересно и полезно не только тибетологам, но и китаистам, политологам, обществоведам. Вопросы, поднимаемые в книге, чрезвычайно важны и для российского общества, так как проблема сохранения национальных особенностей при объединении людей различных этносов в единую политическую нацию стоит в России очень остро.

А.В. Зорин

Отклик на статью В.В. Емельянова «О происхождении Энкиду в аккадском эпосе (к интерпретации Gilg. Ep. I ii 35-35a)» // Ассириология и египтология. СПб., 2004, с. 86–97.

Откликаться на эту небольшую публикацию не имело бы смысла, если бы в ней автор не позволил себе усомниться в точности перевода отрывка из эпоса о Гильгамеше нашего выдающегося ученого-древневосточника Игоря Михайловича Дьяконова (1915–1999). Помимо всего прочего, И.М. Дьяконов является автором первого и до сих пор единственного на русском языке полного научного издания эпоса о Гильгамеше, древнейшего в мире записанного эпического произведения¹. Впервые опубликованная в академической

¹ Фрагменты шумерского текста сказаний о герое Гильгамеше (исторический Бильгамес, XXVIII в. до н.э., шумерский правитель г. Урук, соврем. Варка) датируются концом III тыс. до н.э., к тому же времени относятся древнейшие сохранившиеся записи аккадской версии поэмы. От II тыс. до н.э. из Сиро-палестинского региона (Угарит, совр. Рас-Шамра, Эмар, совр. Тель-Мескене) и Малой Азии дошли отрывки «периферийной» аккадской версии, а также фрагменты ее переводов на хурритский и хеттский языки.

Окончательная редакция, т.н. «Стандартный вавилонский эпос» (Standard Babylonian epic), или «ниневийская» версия, на аккадском языке называвшаяся по первой строке *ša naqba imuru* «Тот, кто видел исток(и)», состоит из 12 таблиц и датируется VIII–VII вв. до н.э.: около половины всех списков, которых более 70, происходит из библиотеки ассирийского царя Ашшурбанипала (правил в 668–627 гг. до н.э.) в Ниневии (соврем. Куонджик).

серии «Литературные памятники» в 1961 г., эта работа по сей день служит образцом как научного, так и художественного перевода и широко известна не только специалистам-древникам, но и всем, кто интересуется литературой Древнего Востока.

В указанной статье В.В. Емельянов предложил собственную интерпретацию следующего фрагмента аккадской версии эпоса о Гильгамеше:

[*lul-la*] -a ^dEN.KI.DÙ *ib-ta-ni qu-ra-du*
i-lit-ti qul-ti ki-šir ^dNIN.URTA²

Первое, что вызывает некоторое недоумение у специалиста, — это нумерация обсуждаемого фрагмента, которая приводится в заголовке и далее повторяется в самой статье. На с. 94, прим. 3 автор указывает на то, что «текст эпоса цитируется по новейшему изданию (SBEG)» — имеется в виду издание финского ассириолога С. Парпола (Parpola), — однако по непонятной причине дает другую нумерацию, использованную в свое время Игорем Михайловичем³, который, по-видимому, следовал за изданием Р. Кэмбелл-Томсона⁴. В том же примечании Емельянов добавляет: «У Парпола иная нумерация строк, и наша строчка здесь разбивается на две — 86 и 87». Зачем нужна была вся эта путаница, остается неясным.

Во-вторых, В.В. Емельянов говорит об одной строчке, в то время как речь идет об одной строфе, состоящей из двух параллельных смысловых конструкций, которые, находясь в отношениях семантико-синтаксического параллелизма, могли быть записаны на глиняной табличке либо в одну строку (если хватало места), либо в две⁵. В последнем

случае каждая из смысловых конструкций записывалась целиком с новой строки, поэтому предлагаемое В.В. Емельяновым на с. 92 и в прим. 6 на с. 94 отнесение существительного *qu-ra-du* ко второй конструкции, на чем основаны и прочие построения, явно искусственно.

Итак, выдвигая собственное, по сути ошибочное обоснование предлагаемого «нового» членения анализируемой строфы, автор статьи высказывает ряд абсолютно несостоятельных упреков в адрес И.М. Дьяконова. На с. 94 в прим. 6 В.В. Емельянов пишет: «Именно так понимает строчку Дьяконов в последней версии своего перевода: „Слетела Энкиду, создала героя. Порождение полуночи, воин Нинурты...“⁶. Однако, здесь есть одна новая особенность: переводчик синтаксически отделяет одно полустигише от другого, полагая, что со слова *i-lit-ti* начинается следующее предложение. Это невозможно, поскольку слово стоит в родительном падеже. Кроме того, нельзя перевести *qu-ra-du* как „героя“, поскольку это слово стоит в именительном падеже. Так что, если и разделять предложения в строчке, то начиная с *qu-ra-du* „(Он) — герой...“» (везде подчеркнуто мной. — А.Н.).

Отмечая, что *qu-ra-du* «нельзя перевести как „героя“», В.В. Емельянов, похоже, пытался сказать, что это существительное не может являться дополнением. Однако хорошо известно, что в аккадском языке I тысячелетия до н.э., на котором написана исследуемая версия эпоса о Гильгамеше, формы именительного и винительного падежа единственного числа мужского рода часто совпадают, так что окончанием *-u* может быть оформлено как подлежащее, так и прямое дополнение (GAG § 63e).

Что касается существительного *i-lit-ti*, с которого будто бы не может начинаться предложение, то очевидно, что стоит оно отнюдь не в форме родительного падежа, как по наивности предполагает В.В. Емельянов, а в форме сопряженного состояния (*status constructus*) с так называемым нависным (облегчительным) гласным *-i*, что типично для многосложных основ с консонантным кластером в исходе, т.е. оканчивающихся на удвоенный

⁶ Я открою тебе сокровенное слово. Литература Вавилонии и Ассирии. Сост. В.К. Афанасьева и И.М. Дьяконов. М., 1981. С. 124.

² Parpola S. The Standard Babylonian Epic of Gilgamesh. Cuneiform Text, Transliteration, Glossary, Indices and Sign List. The Neo-Assyrian Text Corpus Project. University of Helsinki, 1997. Table I: 86–87.

³ Эпос о Гильгамеше («О все видавшем»). Пер. с акк. И.М. Дьяконова. М.–Л., 1961. С. 9. (Переизд. в кн.: Я открою тебе сокровенное слово... с. 122–194).

⁴ Судя по аналогичной ссылке, приведенной в соответствующем томе Чикагского словаря, в котором Эпос о Гильгамеше цитируется именно по изданию Р. Кэмбелл-Томсона 1930 г. (*Thompson R.C. The Epic of Gilgamesh*): “Aruru Created Enkidu, the Hero *ilitti qul-ti kišir Nimirta Gilg. I ii 35*” (CAD Q 302).

⁵ George A.R. The Babylonian Gilgamesh Epic. Introduction, Critical Edition and Cuneiform Texts. Oxford Univ. Press, 2003, Vol. 1–2, Table I: 103–104, p. 544.

согласный либо на два разных согласных (GAG § 64h).

Одним словом, И.М. Емельянов совершенно напрасно обвиняет И.М. Дьяконова в незнании элементарных грамматических правил аккадского языка. Более того, соединив собственные грамматические домыслы с переводом И.М. Дьяконова, на с. 88 автор делает вывод: «Получается еще туманнее: „герой — порождение полуночи, воин Нинурты“». Таким образом, перевод И.М. Дьяконова сначала передергивается, а потом этот передернутый перевод именуется «туманным», хотя в процитированном выше прим. 6, относящемся именно к приведенной фразе, В.В. Емельянов все-таки дает подлинный перевод И.М. Дьяконова⁷.

В реальности дело обстоит следующим образом. В соответствии с новейшим научным критическим изданием Эпоса о Гильгамеше⁸ обсуждаемая строфа выглядит так:

*ina šēri(edin) ^den-ki-dū ib-ta-ni qu-ra-du
i-lit-ti qul-ti ki-šir ^dnin-urta*

In the wild she created Enkidu, the hero,
an offspring of silence, knit strong by Ninurta⁹.

К этой строфе в издании Э. Джорджа имеется подробный лексический комментарий, касающийся понимания существительного *qul-ti* и выражения *ki-šir ^dnin-urta*. Упомянув распространенную трактовку первого как ‘ночная тишина’¹⁰ (предложена В. фон Золде-

ном; она же отражена в переводе И.М. Дьяконова¹¹), а также ‘гончарная глина’ (через исправление на *kul-<la>-ti* в CAD K 506), Э. Джордж весьма остроумно и логично предлагает понимать выражение *ilitti qūlti* «отпрыск молчания» как метафору сверхъестественного появления на свет Энкиду, не рожденного земной женщиной: он появился в полной тишине, т.е. без криков роженицы¹², поскольку был вылеплен из глины богиней Аруру.

Таким образом, реконструированное в издании С. Парполы в первой половине строфы [*lul-la*]-a ‘первочеловек, первозданный человек (сотворенный богами)’¹³ выглядело бы идеальным поэтическим параллелизмом к *ilitti qūlti*. Однако Э. Джордж приводит действительно сохранившийся текст, в соответствии с которым на самом деле в начале строфы содержится обстоятельство места *ina šēri* ‘в степи, пустоши’¹⁴, как говорится, ‘в чистом поле’, т.е. вдали от людей, на лоне природы, отсюда выражение, встречающееся в том же эпосе о Гильгамеше, *epēš šē[ri]* ‘возделывать степь’¹⁵, т.е. ‘охотиться’ (CAD E 218) на диких животных.

В параллель к словосочетанию *kišir Ninurta* Э. Джордж приводит аккадские имена собственные типа ‘*kišir* + имя бога’, ‘имя бога + *kušuršu/kušranni*’, ‘имя бога + *kāšir*’. Словари аккадского языка интерпретируют употребление существительного *kišru(m)* ‘узел, связка, крепление’ и форм глагола *kašāru(m)* ‘за-

ве общего значения только “silence” (CDA, p. 291). Отметим, что данный контекст из эпоса о Гильгамеше в Чикагском словаре приведен именно под значением “silence”.

¹¹ При этом в комментарии И.М. фактически указывает на то, что *qūltu* — дословно «молчание»: “Ilitti qūlti kišir Ninurta — дословно «порождение молчанья (пустыни), сущность (или полк) Нинурты»” (Дьяконов 1961, с. 148).

¹² *George A.R. The Babylonian Gilgamesh Epic. P. 789, n. 104.*

¹³ В соответствии со словарем, одним из авторов которого был как раз Джордж, акк. *lullū(m)* “primeval man” created by gods (CDA, p. 185); в Чикагском словаре основное значение дано без уточнений как “man” (CAD L 242).

¹⁴ На возможное восстановление начала строки как «в степи» указал в комментарии к своему переводу И.М.: «Другое восстановление: „В степи Энкиду создала, героя“» (Эпос о Гильгамеше («О всё выдавшем»)).

¹⁵ *George A.R. The Babylonian Gilgamesh Epic. Table I:132.*

⁷ По нашему мнению, некомпетентность и недобросовестность характеризуют также монографии Емельянова, о чем красноречиво свидетельствуют отрицательные рецензии О.Г. Большакова, С.М. Прозорова, С.А. Французова на его книгу «Ислам. Карманный словарь» (Восток (Oriens). М., 2003, № 3. С. 177–183); В.П. Яйленко о плагиате в его книге «Древний Шумер. Очерки культуры» (Проблемы истории, филологии, культуры. М.–Магнитогорск–Новосибирск, 2008, вып. XXII. С. 658–664); Г.Х. Каплан на подготовленное им издание «Ассиро-вавилонский эпос. Переводы с шумерского и аккадского языков В.К. Шилейко» (Вестник древней истории. М., 2009, № 4. С. 201–211).

⁸ *George A.R. The Babylonian Gilgamesh Epic.*

⁹ Этот же перевод см. в: *George A. The Epic of Gilgamesh. Allen Lane The Penguin Press, 1999. Table I:103–104.*

¹⁰ Чикагский словарь дает для акк. *qūltu(m)* два значения: 1. “dead of night”, 2. “silence”. Однако выделение первого можно считать избыточным, поскольку оно относится к конкретному аккадскому словосочетанию *qūlti mūši* (CAD Q 302), что дословно и есть «тишина ночи». Корректнее поступили авторы краткого словаря, указав в качест-

вязывать, связывать, соединять' в подобных словосочетаниях как метафору поддержки, оказываемой человеку тем или иным божеством. "As the champion of the gods and the epitome of the young hero, Ninurta is a god associated with successful feats of arms, particularly in single combat with a mighty rival (e.g. Anzû, Asakku). Enkidu, whose physical being has been given cohesion by Ninurta, will be the champion of the people of Uruk and will meet with Gilgameš in single combat"¹⁶. Кроме того, этот эпитет Энкиду превосходит образ *kisru ša Anim*, символизирующий Энкиду в вещих снах Гильгамеша и интерпретируемый как «ком/сгусток Ану», т.е. твердое вещество небесного происхождения, метеорит. Метеориты, как замечает Э. Джордж, в эпоху бронзы были важным источником качественного железа¹⁷.

Из всего изложенного выше следует, что предлагаемый на с. 92 указанной статьи «новый» перевод В.В. Емельянова «...герой — порождение зловещей тишины, территории Нинурты-Нергала», ради которого, вероятно, и была написана статья, с точки зрения грамматики и лексики аккадского языка, а также — поэтической структуры эпоса не имеет серьезных оснований.

Опираясь на современное критическое синоптическое издание эпоса о Гильгамеше, можно было бы предложить такой более или менее эквивалентный перевод рассмотренной строфы:

В глуши Энкиду создала героя,
Рожденного (в) тиши, (с) мощью¹⁸ Нинурты.

Надо отметить, что к такой интерпретации в сущности вполне близок был и перевод И.М. Дьяконова (особенно с учетом сделанного им комментария, см. зд. сн. 11, 14), опубликованный еще в 1961 г. и подвергшийся со стороны В.В. Емельянова абсолютно необоснованной критике.

Список сокращений

- CAD — The Assyrian Dictionary. Oriental Institute of the University of Chicago. Chicago–Glückstadt, 1956 ff.
CDA — *Black J., George A., Postgate N.* A Concise Dictionary of Akkadian. Wiesbaden, 2000.
GAG — *Soden W., von.* Grundriss der akkadischen Grammatik // *Analecta Orientalia*. 33. 3. ergänzte Auflage unter Mitarbeit von W.R. Mayer. Roma, 1995.

А.В. Немировская

¹⁶ *George A.R.* The Babylonian Gilgamesh Epic, P. 789, no. 104.

¹⁷ *George A.R.* The Babylonian Gilgamesh Epic, P. 789, no. 104; p. 793, no. 124–5//151–2.

¹⁸ На сложность подбора русского эквивалента аккадскому *kisru(m)* указывал в своем комментарии И.М. Дьяков: «Слово *kisru* имеет много значений, ни одно из которых не кажется дословно подходящим в контексте поэмы. <...> Мы исходим из значения „полк, воинство“, выбирая в зависимости от контекста условный перевод „воинство“, „воины“ или „воин“ (Эпос о Гильгамеше («О всё видавшем»)).